

АМЕЛИ
НОТОМБ

AMÉLIE
NOTHOMB

PSYCHOPOMPE

L'IMPOSSIBLE
RETOUR

АМЕЛИ
НОТОМБ

ПСИХОПОМП

НЕВОЗМОЖНОЕ
ВОЗВРАЩЕНИЕ

РОМАНЫ

Перевод с французского

Ирины Кузнецовой,

Ирины Стаф



издательство **АСТ**

Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Н85

Published by arrangement with SAS LESTER LITERARY AGENCY
& ASSOCIATES

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Нотомб, Амели.

Н85 Психопомп; Невозможное возвращение : романы / АМЕЛИ НОТОМБ;
пер. с франц. И. КУЗНЕЦОВОЙ, И. СТАФ. — Москва : Издательство АСТ :
CORPUS, 2026. — 224 с.

ISBN 978-5-17-178125-5

Короткие романы-бестселлеры бельгийки Амели Нотомб печатаются шестизначными тиражами и издаются в сорока странах, принося своей создательнице многочисленные премии, в числе которых Гран-при Французской академии и одна из главных литературных наград Европы — премия Стрега. В эту книгу вошли два ее автобиографических романа (2023, 2024).

“Психопомп” — эмоциональная авторская исповедь. Название связано с прозвищем древнегреческого бога Гермеса и означает “Проводник душ”. В сюжетной канве — детство и юность, сексуальное насилие, пережитое в 12 лет в Бангладеш, последовавшая за этим анорексия, парадоксальные игры судьбы, тайны ремесла, необычное писательское кредо и искусство разговаривать с умершими, которым сумела овладеть вовсе не склонная к мистицизму Амели Нотомб.

“Невозможное возвращение” — лирический и очень личный роман о поездке в Японию спустя тридцать лет после попытки поселиться там навсегда, описанной в ее знаменитых книгах “Страх и трепет” и “Токийская невеста”. Встреча со знакомыми улицами и древними японскими памятниками сопровождается волнующими воспоминаниями, пронизанными ностальгией и свойственным Нотомб неповторимым юмором.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-178125-5

Psychopompe © Éditions Albin Michel, Paris, 2023

L'Impossible retour © Éditions Albin Michel, Paris, 2024

© И. Кузнецова, “Психопомп”, перевод на русский язык, 2026

© И. Стаф, “Невозможное возвращение”, перевод на русский язык, 2026

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026

© Jean-Baptiste Mondino, фото на обложке

© ООО “Издательство АСТ”, 2026

Издательство CORPUS ®

Содержание

Психопомп

Перевод с французского
Ирины Кузнецовой

9

Невозможное возвращение

Перевод с французского
Ирины Стаф

117

Психопомп

Как-то раз один торговец тканями увидел в небе пролетавшую стаю белых журавлей. Восхищенный их красотой, он подумал, что мечтал бы найти такую ткань, которая сравнилась бы в великолепии с их оперением.

Он вернулся в лавку, и вскоре его посетила необычная покупательница. Это была ослепительно красивая девушка. Кожа ее сияла белизной, длинные черные волосы были идеально гладкими, а губы подведены красным, что свидетельствовало о высоком положении их обладательницы. Благородное происхождение подтверждали и рукава кимоно, ниспадавшие до полу. Его редкая белизна служила знаком принадлежности к самым знатным семействам.

Девушка, похоже, колебалась, какую материю выбрать. Хозяин предложил ей помочь. Наконец она заговорила удивительно нежным голосом:

— Возьмите меня в жены.

Озадаченный торговец хотел что-нибудь о ней узнать. Кто она? Почему желает выйти за него? Она упрямо молчала.

Торговец решил, что глупо отказываться от столь лестного предложения, и, недолго думая, женился на девушке.

Бракосочетание благополучно состоялось. Они зажили мирно и беззаботно. Все складывалось как нельзя лучше.

Спустя какое-то время жена сказала:

— Я не принесла вам ни приданого, ни свадебного подарка. Если дадите мне мастерскую, где я могла бы работать, я сотку вам чудесную материю, но при условии, что даже вы не будете туда входить.

Муж согласился. Молодая жена стала проводить в мастерской по многу часов в день и через неделю, заметно ослабев от трудов, вынесла мужу ткань, каких он никогда в жизни не видел: это была какая-то необыкновенная материя, такая прекрасная и изысканная, что дух захватывало.

— Что это? Как вам удалось это сделать? — не удержался он от вопроса.

Она опустила глаза и ничего не ответила.

— Позвольте ли вы мне продать ее? — спросил он.

— Она принадлежит вам, вы не обязаны со мной советоваться.

Покупатель быстро нашелся и заплатил баснословную цену.

Шли недели. В лавку один за другим потянулись клиенты, и все спрашивали ту дивную ткань, о которой многие уже прослышали.

Муж попросил жену снова соткать ему волшебную материю. Она уединилась в мастерской и через неделю, бледная и похудевшая, вынесла ему столь же изумительную ткань.

Торговец продал ее вдвое дороже, чем первую, а потом готов был локти себе кусать: запроси он в десять раз больше, ее все равно купили бы мгновенно. Он опять попросил жену соткать такую же.

Она не отказала ему ни разу, хотя силы ее убывали. Муж это замечал, но не мог унять жажду жизни. Люди теперь толпились в его лавке с утра до вечера, требуя уникальную ткань.

Жена вовсе перестала выходить из мастерской. Она работала днем и ночью, стараясь выдержать бешеный темп, которого требовал муж. Тот не мог не видеть, что она стремительно худеет. Она утратила красоту и молодость, кожа ее приобрела зеленоватый оттенок, волосы поблекли, взор потускнел. Муж забеспокоился, но остановиться был уже не способен. Чтобы как-то оправдаться в собственных глазах, он лишь слегка умерил свои запросы.

Через несколько месяцев жена заболела. Однако не стала трудиться меньше. Торговец слышал, как она кашляет. Его мучила совесть. “Если я зайду в мастерскую, то смогу, наверное, ей помочь”, — подумал он. Он боялся признаться себе, что на самом деле хочет выведать секрет жены до ее неминуемой кончины.

Однажды, не устояв, он проник в тайную мастерскую, и представшее ему зрелище пригвоздило его к месту: роскошная белая журавлиха клювом

выдергивала у себя пух и перья, которые катастрофически редели, и подкладывала их в ткацкий станок. Она так страдала, что издавала стоны, маскируя их под человеческий кашель.

Увидев своего соглядата-мужа, она вскрикнула от испуга и в тот же миг вылетела в распахнутую дверь. Единственным утешением для отчаявшегося супруга стало то, что, несмотря на слабость, его жена-птица сумела долететь до гор.

Он взял в руки незаконченную ткань и даже обрадовался, обнаружив, что для продажи она не годится. Почему нужно было дойти до такой крайности, чтобы понять, что некоторые вещи цены не имеют?

Он отнес драгоценную ткань в токоному¹, проклиная себя за постыдную жадность.

Эту старинную японскую сказку рассказывала мне моя няня Нисио-сан, когда мне было четыре года. Ее жестокость повергала меня в сладостный ужас. Контраст между малодушием торговца и жертвенным благородством жены восхищал меня.

Я не задавалась вопросом, есть ли у этой истории мораль, но подсознательно понимала, что птица указала человеку на его низость.

Мне очень хотелось взглянуть на журавлей. Увы, это птица редкая даже в Японии. Напрасно я не за-

1 *Токонома* — ниша в стене традиционного японского дома, обычно предназначенная для размещения свитка с живописью, цветочной композиции или курильницы для благовоний. (Здесь и далее — прим. перев.)

интересовалась тогда обычными воробьями, не видя в них ничего примечательного.

В пять лет меня оторвали от Японии. Мой отец получил назначение в Пекин, что в 1972 году не сулило ничего радостного.

Помню свое первое пробуждение в народном Китае. Было лето, и сколько я ни прислушивалась, чего-то не хватало. Мне сначала трудно было определить, чего именно. Не хватало птичьего пения.

Да, конечно, международное посольское гетто Саньлитунь находилось в городе, и там почти не было деревьев. Однако птицы, как известно, приспособляются и к этому — птицы, как известно, приспособляются ко всему.

Но Мао затеял тогда одну из своих грандиозных кампаний, объявив воробьев и им подобных мелких птиц виновниками голода и прочих бедствий. Каждый китаец должен был уничтожать всех птиц, каких может и не может. Кампания шла с огромным успехом, тем более впечатляющим, что человек, который предъявлял местному партийному уполномоченному больше птичьих тушек, получал награды и всяческие поощрения.

Скоро небо над Китаем превратилось в пустыню. Великому кормчему потребовалось немало времени, чтобы обнаружить губительные последствия исчезновения птиц для экономики и экологии страны. Но как публично признать ошибку?

Единственные птицы, какие еще оставались в Пекине, это вороны. Их там было немного,

но они царили. Поразительный ум вороны помогал ей разгадывать хитрости ловцов. Правда, пришлось примириться с отсутствием воробьев, составлявших часть ее рациона.

Ворона — прекрасное существо. К несчастью, при красоте такой петь она не мастерица. Когда ухнет пения, а слышит карканье, это сильное разочарование.

Тем не менее я благословляла присутствие ворон, на них отдыхал глаз. Ворона оставалась здесь единственным учителем хороших манер. Слабое усвоение ее науки объяснялось, видимо, малочисленностью вороньего племени.

В ту пору в Китае всякое проявление благовоспитанности сурово каралось властями. Простая вежливость воспринималась чуть ли не как попытка контрреволюции. Все рыгали и харкали наперебой.

Я невыносимо скучала по Нисио-сан. Пробовала рассказывать себе сказку про белую журавлиху на ее языке. Я чувствовала, как японский улетучивается из моей памяти, и страдала от этого. Почему я не способна запомнить язык той, которую так люблю?

Вместе с японским исчезла утонченность. Выговор прислуги-китаянки был такой же жесткий и грубый, как воронье карканье. Деликатная мягкость речи Нисио-сан была сродни птичьему пенью, этого я забыть не могла.

Я пыталась представить себе белую журавлиху в Пекине. Да она умчалась бы отсюда вихрем, перепуганная алчностью ненасытных охотников. Моя ностальгия по Японии от этого еще усилилась.

Спустя три года отец получил должность в ООН. Мы перебрались из Пекина в Нью-Йорк. Трудно вообразить более разительный контраст.

В Нью-Йорке несметное количество птиц. Голуби, чайки, воробьи. В Центральном парке мелких певчих птичек полным-полно. Вороны тоже есть, но не они одни. Вновь увидев их всех после долгой разлуки, я словно воскресла.

Каждый уикенд мы ездили в маленький лесной домик к северу от Нью-Йорка, в страшную глушь. Птичий народ там обитал в изобилии. Сойки, дрозды (знаменитые *mocking birds*¹), кардиналы, овсянки — только в небо и смотришь.

Я снова обрела счастье просыпаться на заре и, лежа в постели, вслушиваться в пение птиц. Несказанное наслаждение — постепенно учиться распознавать их голоса, как инструменты в оркестре. Упиваться этой музыкой и позволять ей захлестнуть тебя целиком. Кто в состоянии противиться этому вторжению, пусть и невидимому? У меня не было иммунитета против такой красоты.

Моя мать не разрешала вставать раньше семи, поэтому на рассвете я жила звуками. Вариаций имелось столько, что это не могло надоест: каждое утро было первым. Смена времен года была лишь одним из параметров этого разнообразия в числе множества других.

Довольно быстро я сделала чудесное открытие: каждая птица — индивидуальность. Сказать, что ма-

1 Пересмешники (англ.).